Куртинец Сергей Анатольевич – доцент кафедры Хабаровского пограничного института ФСБ России (г. Хабаровск). E-mail: ksa2211@mail.ru.

S.A. Kurtinets

The intelligence-subversive activity of the Japanese consulate in Vladivostok in the beginning of 20th of the XX century

According to the archival documents published and for the first time entered into a scientific turn the intelligence-subversive work of the Japanese consulate in Vladivostok in 1920th years in the Far East and the Soviet security officers activity on its counteraction is analyzed.

Keywords: Japanese consulate, the consul, espionage, investigation, the agent.

Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX века

По опубликованным и впервые введенным в научный оборот архивным документам анализируется разведывательно-подрывная работа японского консульства во Владивостоке в 1920-е годы на Дальнем Востоке и деятельность советских чекистов по ее противодействию.

Ключевые слова: японское консульство, консул, шпионаж, разведка, агент.

После ухода в октябре 1922 г. японских оккупационных войск с территории Дальнего Востока России в гг. Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Александровске, на Сахалине и Петропавловске-Камчатском остались японские консульства, которые продолжали свою работу.

Японское консульство во Владивостоке развернуло широкую разведывательную деятельность по сбору сведений политического характера [1. – Ф. 2. – Оп. 4. – П. 250. – Л. 279]. Оно отличалось от других тем, что за долгие годы существования приобрело много связей. Во Владивостокский порт регулярно приходили японские пароходы. В городе имелась большая колония японцев и корейцев. Колония японцев, численностью около 600 чел., была организована в общество, имевшее правление из 12 представителей крупных торговых фирм. Секретарем общества был Кагеда, который одновременно являлся резидентом. Поддерживая тесную связь с консульством, он выполнял поставленные ему задачи по шпионской работе [2. – Ф. 65. – Д. 14. – Л. 767].

В 1923 г. в состав японского консульства во Владивостоке входили генеральный консул Р. Ватанабе, вице-консул Т. Гундзи и два секретаря [1. – Ф. 2. – Оп. 1. – П. 523. – Л. 138]. В консульстве было сосредоточено два

шпионских аппарата: один для общего наблюдения за советской властью, другой – для специальной слежки за корейцами.

Под ширмой японского консульства вице-консул Т. Гундзи, секретарь консульства Харуда и Осакабе вели разведывательную работу, собирая сведения, составлявшие государственную тайну. Их интересовали: концентрация войск Красной Армии в районе Читы и Благовещенска, положение во Владивостоке, численность гарнизона в Никольск-Уссурийске, а также сведения о корейцах. Для этих целей они имели агентурный аппарат из корейцев, японцев и русских. Агентам ставились задачи по выяснению: численного состава и сведений о воинских частях в Приморье и во Владивостоке; сколько корейцев-командиров проходило службу в Красной Армии; кто из японцев служил в Главное политическое управление. Одновременно они вели негласное наблюдение за японцами Комадой, Накисимой, Хомасимой, Ямасимой и другими (всего около 10 чел.), подозревая их в сотрудничестве с ГПУ [1. – Ф. 2. – Оп. 2. – П. 520. – Л. 2 – 3].

Таким образом, в начале 20-х гг. XX в. под прикрытием консульства во Владивостоке, в Приморье была развернута широкая агентурная сеть, позволявшая японцам вести большую разведывательную работу по сбору политической, экономической и военной информации о советском Дальнем Востоке.

С началом образования Приморского губернского отдела ГПУ японское консульство было взято в оперативную разработку. Чекисты собрали неопровержимые доказательства ведения японскими дипломатами шпионской работы на территории Приморья и Дальнего Востока. В результате были арестованы несколько связанных с консулом японских агентов, в том числе переводчик с японского языка, который работал в губернском отделе ГПУ [3. – 2002. – № 52. – С. 20].

Контрразведчикам Приморского губернского отдела ОГПУ[1] (далее – Прим ГО ОГПУ) несколько раз удалось «прижать» консула. Первую операцию чекисты провели во Владивостокском морском порту в конце 1923 г. Во время погрузки на пароход японской дипломатической почты, при подъеме лебедкой большого деревянного ящика он «случайно» сорвался и, упав на причал, развалился. Из-под обломков ящика на пирс вылез мужчина, оказавшийся белогвардейским офицером. Позже чекисты установили, что он по фальшивым документам, изготовленным подручными генерального консула Р. Ватанабе, свободно перемещался по Приморью под видом коммивояжера нэповской фирмы или странствующего монаха, собиравшего деньги на строительство храма. Используя свою агентурную сеть в Приморье, шпион собирал для японской разведки сведения стратегического и военного характера [4. С. 167 – 168].

Второй случай произошел спустя некоторое время. В феврале 1924 г. было совершено беспрецедентное по наглости ограбление отделения

[1] 2 ноября 1923 г. Постановлением Президиума ЦИК СССР было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

Государственного банка во Владивостоке. В ходе расследования чекисты выяснили, что оно было проведено белогвардейцами под руководством японского консульства, чтобы в последующем переправить советские денежные знаки и драгоценности по дипломатической почте через советско-китайскую границу для финансирования антисоветской деятельности организации атамана Семенова. Однако блестяще проведенная советскими контрразведчиками операция позволила вернуть в доход государства сотни пачек советских дензнаков и золото в вализах, изъятых без скандала из японской дипломатической почты [5. С. 106 – 138].

В марте 1924 г. чекисты раскрыли в г. Владивостоке японскую резидентуру, которая занималась сбором сведений экономического и политического характера, а также следила за состоянием боевой готовности армии и флота. Для ведения шпионажа резидентура имела в городе несколько конспиративных квартир, при этом она субсидировалась японским военным министерством [6. С. 30].

Органы Прим. ГО ОГПУ арестовали 29 чел., в том числе 19 японцев, 3 русских, 1 китайца и 6 корейцев. Среди арестованных были японские дипломаты: вице-консул Т. Гундзи и секретарь консульства Осакабе, уполномоченный корейского генерал-губернатора – Харуда, а также поддерживающие связь с консульством офицеры Мацуй и Минодзума [1. – Ф. 2. – П. 520. – Л. 4 ; 8].

В ходе расследования чекисты выяснили, что Мацуй Такуро был офицером Генерального штаба и возглавлял штаб японской военной разведки во Владивостоке. В 1922 г., в конце оккупации, он был командирован Генеральным штабом для ликвидации дел дипломатической военной миссии, а после ее отъезда остался для ведения военного шпионажа. У него в подчинении были сотрудники Хирай и переводчик Мита. Пока на рейде во Владивостоке находился крейсер «Ниссин» полученную разведывательную информацию в Японию Мацуй посылал, используя радиосредства крейсера. После ухода «Ниссин» он связывался с военным министерством через консульство и через служащих парохода «Хосан-Мару». Создав в Приморье шпионскую сеть в составе более 30 чел., Мацуй с их помощью собирал сведения о Красной Армии, флоте и расположении воинских частей [1. – Ф. 2. – П. 520. – Л. 7].

Для лучшей организации и ведения разведки Мацуй с помощью своего помощника Хирая открыл цветочный магазин, который, по сути, являлся конспиративной квартирой [1. – Ф. 2. – П. 520. – Л. 7].

Арест высокопоставленных дипломатических лиц вызвал негодование со стороны японского правительства. Оно обратилось к советской стороне с требованием разъяснить сложившуюся ситуацию.

2 марта 1924 г. уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел (далее – Наркоминдел) во Владивостоке предложил начальнику Прим. ГО ОГПУ П.И. Карпенко освободить из-под ареста и выслать бывшего вице-консула Гундзи и секретаря консульства Харуда. В ответ П.И. Карпенко направил донесение в ОГПУ в Москву и полномочному представителю ОГПУ по ДВК (далее – ПП ОГПУ по ДВК) А.П. Альпову. В нем он доказывал, что относительно Гундзи в

Прим. ГО ОГПУ имелись документы, разоблачающие его шпионскую деятельность. Она проявлялась в виде сообщения японскому министерству информации о передвижении Красной Армии. Харуда на допросе дал признательные показания и сознался, что исполнял обязанности секретаря фиктивно. В действительности он вел подрывную работу среди корейского населения от лица Корейского генерал-губернатора. По этому поводу секретарь Дальбюро ЦК ВКП (б) Н.А. Кубяк считал, что если арест японцев не вызван особенно важными соображениями, то их «следовало бы содержать для большого выяснения». Документы и следствие полностью доказывали непосредственную причастность японских дипломатов к шпионажу против СССР [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 67].

ПП ОГПУ по ДВК А.П. Альпов информировал Москву, что во взаимоотношениях Наркоминдела с органами ОГПУ замечалась «тормозящая делу ненормальность», которая ярко характеризовалась прилагаемой при этом копией телеграммы. В ней Наркоминдел давал задание своему уполномоченному во Владивостоке провести оперативную работу, которая была сосредоточена в органах ОГПУ. В то же время, местный орган ОГПУ был стеснен в выполнении этих заданий, ибо был связан директивами по своей линии. В результате «создавалась переписка». Аналогично поступал и полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан, который в этот период одновременно вел переговоры с Японией [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 66].

В целях устранения подобного недоразумения А.П. Альпов просил принять все зависящие меры, чтобы впредь задания Наркоминдела давались через ОГПУ, или, в крайнем случае, через полномочного представителя.

Проблему ведения параллельной оперативной работы Наркоминделом и органами ГПУ уже поднимал заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт В Докладной записке И.В. Сталину от 28 марта 1923 г. «О сосредоточении всех линий разведывательной работы в ГПУ» он предлагал Политбюро принять постановление по этому вопросу. В нем И.С. Уншлихт рекомендовал, руководствуясь соображениями необходимости экономии валюты и устранения нежелательных политических последствий, все линии разведывательной работы (дипломатической, политической), с которой НКИД иногда соприкасался, сосредоточить исключительно в органах ГПУ. В отдельных случаях, когда представителям НКИД предоставлялись те или иные обещающие возможности в области разведывательной работы, представитель НКИД свои шаги должен был обязательно согласовать предварительно с ГПУ или с его органами на местах [7. С. 77]. Однако этот вопрос решен не был.

Заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода указал начальнику Контрразведывательного отдела ОГПУ А.Х. Артузову и начальнику Иностранного отдела ОГПУ М.А. Трилиссеру на необходимость урегулирования этого вопроса с Народным комиссаром иностранных дел СССР Г.В. Чичериным [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 66].

5 марта 1924 г. Л.М. Карахан сообщил Г.В. Чичерину в Москву последний абзац Памятной записки по поводу арестов, которую ему 3 марта передал Тошизава. В ней указывалось: «… принимая во внимание, что

подобные меры, чем бы они ни были вызваны, не могут не отразиться самым серьезным образом. Императорское правительство поручает посланнику Тошизаве получить от представителя московского правительства мотивированное объяснение арестов и потребовать немедленного освобождения всех арестованных». В то же время, Тошизава обратил внимание Л.М. Карахана на свои размышления. Он полагал, что «… Императорское правительство не остановится принятием мер, чтобы стать лицом к лицу с создавшимся положением, даже если бы советское правительство было намерено окончательно прекратить существующие отношения между Японией и СССР» [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 64].

Л.М. Карахан доложил Г.В. Чичерину, «… что официальных лиц три, а не два, и он уже сообщил об освобождении официальных лиц. Поэтому необходимо поспешить их немедленно выслать вместо содержания в тюрьме». Он указывал, что японское правительство больше всего беспокоилось о капитане Мацуи и лейтенанте Минодзуме. К ним необходимо было отнестись по принципу: «… если нет чего-либо экстренно серьезного, оправдывающего весьма большой скандал, то лучше ограничиться их немедленной высылкой» [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 64].

Г.В. Чичерин немедленно сообщил Первому заместителю Председателя ОГПУ В.Р. Менжинскому, что Наркоминдел уже указывал ОГПУ на возможность серьезных последствий массовых арестов японцев во Владивостоке. «Из Ваших слов я смог заключить, что ничего из ряда вон серьезного с точки зрения Вашего ведомства в этом деле нет. Л.М. Карахан согласен с нашей точкой зрения, что если в этом деле нет чего-либо серьезного, то лучше было бы всех арестованных выслать» [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 65]. В ОГПУ была выслана копия телеграммы Л.М. Карахана с заключительной фразой Памятной записки японского представителя, в которой указывалось на серьезность создавшегося положения.

В.Р. Менжинский телеграфировал А.П. Альпову, что по предложению Чичерина лиц японского консульства, задержанных во Владивостоке, а именно вице-консула и секретаря «… надлежит выслать на Родину. На волю выпускать их не следует; отправьте их пароходом» [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 58].

Однако начальник Прим. ГО ОГПУ не выполнил директиву ОГПУ об освобождении японцев, которую ему дважды повторил А.П. Альпов Он мотивировал это тем, что 10 марта начальник секретно-оперативной части Прим. ГО ОГПУ Перцев был на совещании по делу японцев в Харбине с секретарем Дальбюро ЦК ВКП (б) Н.А. Кубяком и советником полпредства в Китае Я.Х. Давтяном По предоставленным по этому делу документам было предложено японцев не освобождать. Основанием такого предложения было то, что Харуда был уже завербован ОГПУ. Пароход в Японию отправлялся через неделю, а до отправки на родину японцы на воле находиться не могли, ибо знали из допроса ряд документов. П.И. Карпенко убедительно просил «хорошенько информировать Москву и Л.М. Карахана, дело настолько верное, обвинительных материалов и показаний больше чем достаточно для дела».

Однако А.П. Альпов полагал, что «использовать Харуда было несерьезно», но решение этого вопроса он оставлял за Москвой [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 60].

После согласования вопроса с Л.М. Караханом А.П. Альпов в третий раз направил Прим. ГО ОГПУ категорическое предписание об освобождении бывших чиновников японского консульства. При этом, Решение секретаря Дальбюро ВКП(б) Н.А. Кубяка было аннулировано соответствующим Постановлением Дальбюро. Но вопрос об освобождении Мацуй остался открытым [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 61].

Вместе с тем, А.П. Альпов телеграфировал заместителю Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде, что освобождение указанных лиц по решению Приморского ГО ОГПУ срывает громкий судебный процесс и ставит необходимостью освободить всех арестованных. Освободив официальных лиц, к процессу можно было привлечь Мацуи и Минодзума. Он просил срочных указаний по поводу привлечения средств массовой информации к огласке отдельных материалов шпионской деятельности японцев [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 67].

Зампред ОГПУ Г.Г. Ягода предложил начальнику ИНО ОГПУ М.А. Трилиссеру: «умно» пошуметь можно, материалы все прислать», а А.П. Альпову: «… Мацуи при серьезных материалах против него можете под арестом держать, при отсутствии же серьезных улик вышлите на родину. Приговора к высшей мере над арестованными японцами, во всяком случае, в исполнение не приводить. Повторяю, не приводить» [1. – Ф. 2. – П. 128. – Л. 83].

19 марта 1924 г. вице-косул Гундзи, Осакабе и Харуда в присутствии консула Р. Ватанабе и всех представителей японского консульства были высланы в Японию. Разговоров с высылаемыми допущено не было. До отхода парохода они были помещены в отдельную каюту. Консул Р. Ватанабе в напутствие пожелал им по приезду в Японию не вести никаких переговоров с корреспондентами, а немедленно явиться в МИД, где получить дальнейшие указания. При этом, консул просил передать МИД свое мнение о скорейшем установлении дружественных отношений с Россией [1. – Ф. 2. – П. 520. – Л. 4].

В апреле 1924 г. согласно телеграмме Зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды, Мацуй был освобожден и выслан в Японию, так и не признав себя виновным [1. – Ф. 2. – П. 520. Л. 8].

Через некоторое время после инцидента с японскими дипломатами генеральному консулу Р. Ватанабэ приморские чекисты неофициально рекомендовали покинуть пределы г. Владивостока и возвратиться в Японию. Он был вынужден принять предложение чекистов и покинуть пределы СССР [3. – 2002. – № 52. – С. 20].

Ввиду невозможности в то время договориться с японским правительством, японские консульства были закрыты [1. – Ф. 2. – Оп. 4. – П. 250. – Л. 279].

Таким образом, разоблачив японских дипломатов и вскрыв широкую агентурную сеть в Приморье, советские чекисты нанесли японской разведке серьезный удар, который парализовал ее активную работу на несколько лет.

Вместе с тем, этот инцидент оказал негативное влияние на советско-японские отношения, затянув подписание совместного договора между двумя государствами.

Литература и источники:

1. Центральный архив ФСБ Российской Федерации.

2. Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Омской области.

3. Дементьев, А. Срочно. Секретно. В Губотдел ОГПУ / А. Дементьев // Дальневосточные ведомости. 2002. – № 51. – С. 20 ; № 52. – С. 20 ; 2003. – № 2. – С. 9.

4. Федичкин, Д. Именем революции / Д. Федичкин //Линия огня : сборник. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. – С. 159 – 168.

5. Роднин, С. Операция «Консул» / С. Родин // Тихоокеанские румбы. – Владивосток, 1975. – С. 106 – 138.

6. Вялков, Л. И. Борьба приморских чекистов с врагами советской власти в 1922 – 1928 гг. / Л. И. Вялков. – Владивосток : УКГБ при СМ СССР по Приморскому краю, 1972. – 48 с.

7. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М. : МФД, 2003. – 912 с.

8. Кириллович, К. Шпионы за работой / К. Кириллович // Известия. – 1937. – 26 апреля.

.